

ПРОБЛЕМА НЕИЗБЕЖНОСТИ ВОЙНЫ

*Работа представлена кафедрой философии
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. П. Горюнов*

XX век превратился в столетие долгой войны. Истинной причиной этого является борьба между державами, обусловленная всеобщей конкуренцией и неравномерным развитием. Но война не является фатальной неизбежностью. Только наука, а не волюнтаризм способна проложить дорогу историческому оптимизму.

The 20th century turned out to be a century of a long war. A true reason for this is the struggle among the powers, conditioned by the global competition and uneven development. But war is not a fatal inevitability. It is science, but not voluntarism, that can lay a road for historical optimism.

Надежда на мир при империализме есть затушевывание остроты империалистических противоречий – так совершенно четко, недвусмысленно в своем очерке об империализме еще в начале прошлого века Ленин сформулировал материалистическое понимание сущности войн в новую, едва открывшуюся эпоху. Этот «приговор» абсолютно оправдался: в XX в. мы стали свидетелями не только двух мировых войн, но и, по сути, эпоха империализма превратилась, как выразился итальянский марксист А. Черветто, в одну долгую войну. Рассмотрение войны как *ultimo ratio* совершенно обоснованно уступило оценке военного насилия как «обычных других средств».

Из этого последовали разного рода опасения. Так, например, Хофмайстер, профессор Гейдельбергского университета, задает проблеме такой масштаб: «Общее сознание начала XXI в. уже не так уверенно в цели истории. Страх перед откровенной возможностью ее конца усиливает страх перед бессмысленностью жизни, а равно и смерти, прежде всего смерти насильственной»¹.

Итак, новый характер современной эпохи поставил под угрозу существование человечества, его истории, обострил индивидуальное переживание новых опасностей, исходящих от «неведомых» сил общественного развития. Но ведь это видно только с высоты науки, меряющей масштабами де-

сятителей, веков и тысячелетий, масштабами планеты. С исторической арены уходит поколение, пережившее Вторую мировую империалистическую войну, а вместе с ним уходит и память о трагедии. Где-то побыстрее пытаются стереть следы варварства; где-то по патриотическим мотивам эту память пытаются сохранить, гарантируя в будущем стабильность и процветание. Быстрый рост новых держав, экономический рост, империалистическое загнивание и социальная пассивность делают свое дело, опасения уступают вере в безграничный рост возможностей при империализме. Тревога остается уделом ученых.

Что ж, такова диалектика объективных общественных отношений и сознания. Задача сознательного меньшинства – выработать понимание общественных процессов, ведущих к войне, которое позволит бороться, а вернее, побороть ее.

Практически любой современный философ, и не только, рассматривающий политику и проблему войны и мира, не может обойти стороной Канта. Мне кажется, что его важно затронуть сегодня вдвойне, так как появились попытки интерпретации на основе идей Канта самой современной политической практики.

Кант был далек от лишь негативного рассмотрения войны, а значит, как абсолютного зла. Так, Хофмайстер указывает на связь у Канта войны и возвышенного: «Даже война, если она ведется в соответствии с установленным порядком и с соблюдением гражданских свобод, таит в себе нечто возвышенное и делает образ мыслей народа, который ведет ее таким образом, тем возможнее, чем большим опасностям он подвергался, сумев мужественно устоять; напротив, длительный мир способствует обычно господству торгового духа, а с ним низкого корыстолюбия, трусости и изнеженности и принижает образ мыслей народа»².

Хофмайстер комментирует: война «пробуждает сознание необходимой солидарно-

сти всех со всеми и в конечном итоге с человечеством в целом»³.

Таким образом, концепция Канта является телеологической: природа, подвергая человечество суровым испытаниям, подталкивала его к осознанию необходимости мира. «Фонем исторического оптимизма Канта при всем осознании кошмарности войны является та вера в ход истории и разум, которые не могут позволить страданию и разрушению стать окончательным ответом»⁴.

Политическим выражением этого сознания должен был стать союз держав, так называемая Лига наций. Она хоть и не устранила бы войн полностью, но все же, опираясь бы на право, располагая силой, могла бы минимизировать военную опасность.

Опыт международных институтов стал лучшей критикой концепции Канта. Партикулярные интересы держав оказались выше кантовских призывов к разуму. Но точка еще не поставлена, ибо появляются новые интерпретации.

Так, Кристофор Паяр считает, что в плане реализации идей Канта может рассматриваться опыт Европы!

Он констатирует «исчезновение воинственной риторики из европейского политического дискурса на протяжении всего XX века», а действия европейских держав рассматривает как политику, которая «создает проект для всего человечества: нужно действовать так, как будто бы несуществующая вещь в себе существовала. Каким бы нереальным ни был мир-в-себе, он может приблизить нашу свободу. Воинственный идеал человечества не фатален»⁵.

Этот миф о добросердечной Европе, объединенной вокруг своей франко-немецкой оси после двух кровопролитных «гражданских войн», –современный вызов ленинской концепции империализма, марксистской науке о международных отношениях.

Немало ложному пониманию европейского процесса поспособствовало идеологическое видение «холодной войны», рас-

смастривающее на мировой арене лишь две силы – США и СССР. Рост европейского империализма поэтому ускользал от многих невнимательных наблюдателей.

Но марксизм отслеживал и анализировал не только то, что происходило в Европе, но и восхождение Азии, во многом определившее то, что происходит на другой чаше весов.

Этот анализ стал не только подтверждением эффективности методологического инструментария марксизма, но и его дальнейшим развитием.

Вопреки расхожему мнению в марксистской оценке перспектив общественного развития нет и следа фатализма. Так что исторический оптимизм отнюдь не удел лишь немарксистских учений. «Фатализм – это незнание реальности действительных явлений, отсутствие научного знания о законах, которые этими явлениями управляют»⁶. Но антифатализм в марксизме, как вытекает из только что приведенного синтеза, не имеет ничего общего с «волюнтаристским» отказом признать неотвратимость войны, «волей к миру», «международным сотрудничеством». Дилемма войны и мира была отброшена марксизмом, и еще Энгельс предельно четко обозначил перспективу – социализм или варварство.

Домарксовы концепции отношений между народами неслучайно так часто прибегают к концепции союза государств или даже всемирного государства. Это, как было показано выше, свойственно Канту; то же самое, как отмечает О. Коваль⁷, отстаивает Гегель в «Феноменологии духа».

Действительно, «обособленное экономическое развитие капиталистического государства относительно других капиталистических государств есть основной фактор движения империалистических сил, объективная основа отношений между этими силами»⁸.

Несмотря на прогрессирующее обобществление труда, концентрацию средств производства, сохранение частной собственности на средства производства ведет к диф-

ференциации интересов буржуазии, существованию особых национальных интересов, реализации которых служит национальное государство. Таким образом, утверждение Хофмайстера о том, что «...различность людей есть та власть, которая во всех человеческих отношениях действует как сила противоборства»⁹, явно хромает расплывчатостью, недостатком конкретики вопреки четкому марксистскому научному видению. Силы отдельных государств находятся в определенном отношении друг к другу; это соотношение сил может привести либо к балансу, либо к частичному или всеобщему нарушению равновесия. Эквивалентом последнего является мировая война между империалистическими державами.

Динамика развития держав является неравномерной. В основе неравномерного экономического, политического и культурного развития лежит прежде всего неравномерное развитие производительных сил. Это вполне закономерно, так как общественное развитие в своей истории никогда не подчинялось целенаправленному регулированию или планированию. Причем в эпоху капитализма, а тем более империализма динамика неравномерного развития чрезвычайно ускоряется. В силу неравномерного развития новые державы стремительно догоняют старые, господство которых когда-то казалось незыблемым. Британия пришла на смену Средиземноморью, Америка потеснила затем Британию.

Это развитие новых экономических и политических сил приводит к нарушению прежнего равновесия, а «...при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. <...> Нельзя делить иначе, как по “силе”... При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени, нарушаемого равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике»¹⁰.

Таким образом, мечта Канта о вечном мире, как и тезисы Каутского о сверхимпериализме, с разными оттенками являют-

ся стремлением к отрицанию этой неравномерной экономической и политической динамики.

Союзы и соглашения между государствами, конечно, возможны. Но чем выше темп неравномерного развития, тем они менее долговечны. Более того, современная нам эпоха показала, что соглашения относительно одной сферы вполне могут сочетаться с вооруженной борьбой за господство и влияние в другой.

А как же тогда быть с Единой Европой, которая согласно Паяру, несмотря ни на что, движется к заветному идеальному горизонту, как будто бы империалистического противостояния и не существовало? Только выявление типичных и специфических черт современного этапа борьбы может дать инструмент для критики идеологий добросердечной Европы.

Во второй половине XX в. результатом экономической экспансии империалистических держав и неравномерного развития стало быстрое восхождение новых держав, прежде всего в Азии – Китая и Индии. Борьба государств является борьбой сил в первую очередь экономических и политических. Вступление в эту борьбу таких держав, как Индия и Китай, поднимает планку противостояния на новую высоту: новое столетие будет противостоянием демографических гигантов континентальных масштабов. Именно в этом свете нужно рассматривать политический процесс в Европе, а не с точки зрения идеалистического подхода новейшей европейской политической философии, которая грешит искажениями

и ошибками столетней давности. «Внутренний мир» необходим Европе для успешного противостояния восходящей Азии, как когда-то тезис о Соединенных Штатах Европы был идеологической реакцией на быстрое развитие США и Японии.

Гераклит имел все основания, для того чтобы утверждать: «Борьба – отец всего». Гегель понимал под этой борьбой противоборство государств. Борьба государств на высшей стадии развития капитализма в начале XX в. открыла окно возможностей для реализации революционной стратегии, которая в конечном итоге должна была привести к исчезновению классов и отмиранию государства.

Вместе с государством и классами не исчезнет борьба сил как основа общественного развития. Напротив, впервые появится возможность применения сил человека как одной общественной силы в его отношениях с природой.

Исчезновение государств и классов как основы войны не означает социальной анархии.

Характерной чертой государства является отделение власти от общества, поэтому отмирание государства будет означать не устранение власти как способности к принуждению или управляемости, а, напротив, распространение этой власти на большинство человеческого сообщества, использование этой власти в интересах поддержания общности. Использование власти в узких классовых интересах должно уступить место использованию силы в целях сохранения и развития человеческого сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. СПб., 2006. С. 152.

² Там же. С.150.

³ Там же. С.150.

⁴ Там же. С.152.

⁵ Паяр К. Возможен ли вечный мир? // Логос. 2003. № 1.

⁶ Черветто А. Унитарный империализм. Киров, 2005. Т. 2. С. 43.

⁷ Коваль О. Война без боя // Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. СПб., 2006. С. 277.

⁸ Черветто А. Указ. соч. Т. 2. С. 42.

⁹ Хофмайстер Х. Указ.соч. С. 61.

¹⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-ое изд. Т. 26. С. 353–354.